

Л. С. БАРХУДАРОВ

К ВОПРОСУ О ПОВЕРХНОСТНОЙ И ГЛУБИННОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В наши дни вряд ли кто-нибудь станет отстаивать без существенных оговорок известное положение Соссюра о том, что «в языке нет ничего, кроме различий.. в языке имеются только различия без положительных моментов»¹. Направленная своим полемическим острием против атомизма младограмматической школы, в трактовке которой язык предстал как множество разрозненных элементов, эта формулировка сыграла в истории языкознания определенную положительную роль, обратив внимание на фундаментальный характер понятия различия для структуры языка; однако ни одно из лингвистических направлений XX в., за исключением разве глоссематики, не оказалось в состоянии последовательно провести в жизнь это положение в практике описания системы какого-либо конкретного языка. Это и понятно — ведь сам Соссюр вынужден признать, что «различие, вообще говоря, предполагает положительные моменты, между которыми оно и устанавливается»², т. е. различие может быть только между чем-то и чем-то другим. Именно поэтому для структуры языка существенны как различия, так и сами элементы или «положительные моменты», между которыми устанавливаются эти различия.

Существует, однако, и другая сторона дела. Сами различия в языке, так сказать, различны, т. е. в языковой структуре существуют качественно разные типы различий. Представляется, что для строя языка принципиально важным является наличие двух основных типов различий между языковыми единицами, которые можно назвать различиями в а р и а т и в н ы м и и различиями ф у н к ц и о н а л ь н ы м и. К первому типу — вариативным — принадлежат различия в плане выражения, которым не соответствуют различия в плане содержания, т. е. различия, не несущие функциональной нагрузки, так сказать, семантически ненасыщенные. Ко второму типу, как говорит само название, относятся различия, функционально существенные, т. е. различия в плане выражения, сигнализирующие о наличии различий в плане содержания. Естественно, что разница между различиями вариативными и функциональными весьма существенна для структуры языка: и те, и другие являются неотъемлемой ее частью, но лишь функциональные различия дают языку возможность выполнять его роль средства общения, т. е. передачи смысла.

В истории языкознания впервые разница между различиями вариативными и функциональными была осознана на фонологическом уровне и получила свое выражение в виде теории фонем. В самом деле, суть фонемной теории состоит в противопоставлении, с одной стороны, фонем, т. е. функционально значимых, смыслоразличительных звуковых единиц, с другой стороны, вариантов фонем (аллофонов), разница между которыми не несет никакой смыслоразличительной функции и определяется

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 119.

² Там же.

лишь особенностями позиции (дистрибуции) звуковых единиц в потоке речи, правилами их комбинаторики с другими звуковыми единицами и т. д. При этом, что особенно важно, разница между фонемами и их вариантами отнюдь не определяется характером самих реальных артикуляционных и акустических различий между данными звуковыми единицами: общеизвестно, что разница в артикуляции и акустических признаках между вариантами одной и той же фонемы нередко бывает не меньше (а то и больше) соответствующей разницы между различными фонемами в структуре того же языка. Еще более обычны случаи, когда одинаковая разница между звуками, например, по твердости — мягкости, глухости — звонкости и др., в одних языках является вариативной, т. е. различает варианты одних и тех же фонем, а в других — функциональной, различающей разные фонемы. Это свидетельствует о том, что вариативные и функциональные различия противопоставляются не в количественном, а в качественном отношении: важна не абсолютная степень разницы между языковыми единицами в плане выражения, а то, сопровождается она или нет соответствующей разницей в плане содержания, т. е. выполняет ли она смысловоразличительную функцию.

Вторым важным этапом в развитии лингвистической теории явилось перенесение противопоставления различий вариативных и функциональных на морфологический уровень, получившее свое выражение в теории морфологических альтернатив. Здесь, как и в фонологии, существенно противопоставление функционально значимых единиц — морфем и их вариантов (алломорфов), разница между которыми не сопряжена с семантическими различиями. Опять-таки, противопоставление морфем и вариантов морфем (алломорфов) не связано с количественной мерой реальных различий между единицами морфологического уровня: вариативная разница между алломорфами может быть максимальной, например, в случаях супплетивности, в то время как функциональная разница между морфемами может быть минимальной в плане выражения (ср. *стол* — *столь* и т. п.).

При этом, как крайний случай, наблюдаются ситуации, при которых разница в плане выражения между функционально различными единицами вообще отсутствует, т. е. формальные различия между ними сводятся к нулю. Так, по крайней мере в трактовке некоторых фонологических школ, возможны случаи, когда один и тот же по своим артикуляционным и акустическим свойствам звук в одних случаях репрезентирует одну фонему, в других — другую; например, звук [л] в русском слове [ва́дá] «вода» является аллофоном фонемы /о/, в то время как в слове [сама́] «сама» тот же звук является аллофоном фонемы /а/ — явление, известное под названием нейтрализации фонемных оппозиций. Подобным же образом на морфологическом уровне наблюдаются случаи омонимии, когда внешне совпадающие по своему фонемному составу морфы оказываются алломорфами разных морфем — ср. русск. *стол-а́* и *дом-а́*, где в первом случае -а́ является морфемой род. падежа ед. числа муж. рода, а во втором — морфемой им. падежа мн. числа муж. рода; или английское (*his*) *books* и (*he*) *speaks*, где -s в первом случае — морфема мн. числа существительного, во втором — 3-го лица настоящего времени глагола и т. д.

На первый взгляд такие ситуации выглядят парадоксально — ведь выше мы определили функциональные различия как различия в п л а н е в ы р а ж е н и я, сигнализирующие о наличии различий в плане содержания; теперь же оказывается, что в некоторых случаях функциональные единицы языка могут полностью совпадать в плане выражения, различаясь лишь в плане содержания. Действительно, нормальной для

языка (и для любой другой коммуникативной системы) является ситуация, при которой разница в содержании сигнализируется соответствующей разницей в выражении; что же касается случаев омонимии, то они могут существовать в общей системе языка лишь как своеобразные исключения, вкрапления на общем фоне сетки различий, пронизывающих всю языковую структуру. Прежде всего следует иметь в виду, что единицы языка в речи функционируют в составе других, более сложных единиц высшего порядка, так что омонимия единиц низшего уровня находит свое разрешение при их употреблении в речи через различие единиц высшего уровня, в составе которых они употребляются. Так, омонимия русских падежных окончаний в словоформах *стола́* и *дома́* разрешается через различие тех синтаксических конструкций, в составе которых эти словоформы употребляются: *ножка стола*, *но стояли дома*, при невозможности **стояли стола* и т. п.; точно таким же образом английские морфемы мн. числа и 3-го лица глагола различаются через синтаксические конструкции, в составе которых они употребляются: *his books*, *no he speaks*, при невозможности **his speaks* и пр. Иными словами, омонимичные единицы различаются своими дистрибутивными признаками, а поскольку дистрибуция той или иной языковой единицы есть ее формальный признак, постольку имеются все основания считать их не только семантически, но и ф о р м а л ь н о различными. Что касается возможности различения единиц языка, в изолированном виде совпадающих по форме, через единицы более высокого порядка, в составе которых они употребляются, то это явление, по-видимому, свидетельствует о существовании в языковой структуре тенденции к экономии средств выражения: нет необходимости во всех случаях различать единицы низшего уровня там, где разница между ними может быть выражена дистрибутивно, т. е. через единицы высшего уровня³.

С другой стороны, необходимо учитывать, что омонимия на уровне фонологии и морфологии разрешается и другим путем, а именно, благодаря тому, что наряду с омонимичными вариантами, в составе тех же самых функциональных единиц (фонем, морфем) встречаются и неомонимичные, т. е. внешне различающиеся варианты. Так, наряду с аллофоном [л], общим (по крайней мере, в трактовке московской фонологической школы) для двух фонем — /а/ и /о/, эти же фонемы имеют и другие аллофоны, обеспечивающие, в целом, достаточно четкое формальное различие между указанными фонемами. Подобным же образом русская морфема им. падежа мн. числа муж. рода, наряду с алломорфом *-á* (*дома́*), имеет и другие варианты, например, *-ы* (*сто́лы*), которых не имеет морфема род. падежа ед. числа муж. рода; английская морфема мн. числа существительных, наряду с алломорфом *-s*, омонимичным морфеме 3-го лица настоящего времени глаголов, представлена также и алломорфами *-en* (*oxen*), *-ren* (*children*) и некоторыми другими, отсутствующими у глагольной морфемы 3-го лица. В целом, стало быть, формальное различие между семантически различающимися единицами языка находит себе в общей системе данного языка достаточно четкое выражение.

³ Трудно согласиться с Р. А. Будаговым, который рассматривает случаи омонимии и многозначности в языке как доказательство несостоятельности принципа экономии (см. его статью «Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка», ВЯ, 1972, 2). Как раз наоборот, существование таких «многоплановых» единиц языка является одним из проявлений принципа экономии, сущность которой отнюдь не состоит, как утверждает Р. А. Будагов, в принципе «поменьше, а не побольше» («экономия» не есть «бедность»), а в принципе «поменьше не про и з в о д и т е л ь н ы х з а т р а т». Другое дело — и в этом мы согласны с Р. А. Будаговым, — что сводить все развитие и функционирование языка к принципу экономии, действительно, вряд ли правомерно.

Наряду с омонимией, противопоставление вариативных и функциональных единиц в языке дало возможность также объяснить и такое, в некотором смысле, прямо противоположное явление, как синонимию (в самом широком смысле этого слова): очевидно, синонимичными следует признать единицы языка, находящиеся в отношении так называемого свободного варьирования, т. е. свободно замещающие друг друга в одинаковых окружениях без каких-либо различий в передаваемом содержании. Правда, в «чистом виде» такое варьирование встречается, как известно, довольно редко; обычно синонимичные единицы языка отличаются друг от друга определенными коннотативными (стилистическими, эмоциональными, экспрессивными) оттенками, на чем основано, как известно, само понятие «стилистических синонимов», играющих важную роль в системе языка.

Итак, разграничение вариативных и функциональных различий на фонологическом и морфологическом уровнях дало возможность четко противопоставить в строе языка единицы значимые, функционально нагруженные («эмы») и единицы незначимые, семантически тождественные («алло-»). Дело, однако, значительно осложнилось при переходе на следующий, более высокий уровень — синтаксический. Применительно к этому уровню «аллоэмическая модель» в ее классическом виде, разработанном для морфологического и фонологического уровней, оказалась малоэффективной, а попытки выделения элементарной функциональной единицы синтаксического уровня, аналогичной фонеме и морфеме более низких уровней языковой иерархии — «синтаксемы» или «синтагмемы», — окончились, в целом, неудачей, ибо сам критерий выделения функциональных единиц языка и их вариантов, применяемый на более низких уровнях (принцип дополнительной дистрибуции), на уровне синтаксиса оказался совершенно непригодным. Этого, в общем, и следовало ожидать, так как сам изоморфизм синтаксического уровня и уровней морфологического и фонологического является весьма относительным. Дело в том, что сами основные единицы уровня синтаксиса — предложения (если иметь в виду конкретные предложения) — относятся, по своей природе, не к языку, а к речи: в то время как инвентарь конкретных фонем и конкретных морфем для любого языка строго определен и список этих единиц всегда является составной частью системы данного языка, инвентарь предложений, как известно, бесконечен и не может быть задан никаким списком, в силу чего единицей синтаксиса оказывается уже не конкретное предложение, а абстрактная схема («модель», или, по А. И. Смирницкому⁴, «формула строения» предложения) в отвлечении от ее конкретного лексического наполнения. Иными словами, синтаксис оперирует не столько языковыми единицами, сколько отношениями между языковыми единицами в строе связной речи; фундаментальное для синтаксиса понятие синтаксической функции является, прежде всего, понятием отношения между словами в строе предложения⁵. Именно поэтому попытки механического перенесения на синтаксический уровень «аллоэмической модели», предназначенной, прежде всего, для идентификации дискретных единиц языка, оказались принципиально несущественными.

Положение в корне изменилось в связи с разработкой в современной синтаксической теории концепции поверхностной и глубин-

⁴ См.: А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 35—36.

⁵ Об этом см., например: N. Chomsky, Aspects of the theory of syntax, Cambridge (Mass.), 1965, стр. 68—69.

ной синтаксической структуры. Указанная концепция исходит из наличия в строе предложения двух типов синтаксических отношений — отношений поверхностных, т. е. формально непосредственно выраженных (морфологически, порядком слов и другими средствами) в данном предложении, и глубоких, вскрываемых только путем сопоставления данного предложения с другими, семантически идентичными предложениями того же языка и отражающих существенные смысловые связи элементов предложения друг с другом. При этом, что особенно важно, разные по поверхностной структуре синтаксические конструкции могут иметь одинаковую глубинную структуру; так, в русском языке конструкции *Студенты сдали экзамен*, *То, что студенты сдали экзамен...*, *Сдача экзамена студентами...*, *Сдав экзамен, студенты...*, *(Студенты,) которые сдали экзамен...*, *(Студенты,) сдавшие экзамен...*; различаются по своей поверхностной структуре, но все они имеют одинаковую глубинную структуру, которая может быть обозначена (в скобочной записи⁶) примерно как $(\text{студент} + \text{мн. число}) + \{(\text{сдавать} + \text{соверш. вид} + \text{прош. вр.}) + \text{экзамен}\}$. Единство глубинной структуры всех этих конструкций базируется, во-первых, на тождестве их морфемного состава, во-вторых, на тождестве основных семантико-синтаксических отношений между глаголом-действием и его актантами (субъектом и объектом действия); разница же между ними заключается, во-первых, в разном характере поверхностных синтаксических связей между компонентами данных конструкций (связь подчинительная, предикативная и пр.) и, во-вторых, в разных способах включения (embedding) этих конструкций в строй синтаксических конструкций более высокого порядка («матричных»).

Поскольку одна и та же глубинная структура реализуется как множество поверхностных, мы имеем здесь аналогию с фонологическим и морфологическим уровнями, где одна и та же функциональная единица (фонема, морфема) также может реализоваться как множество вариантов (аллофонов, алломорфов). Аналогию можно продолжить — подобно тому, как из всех вариантов одной и той же фонемы или морфемы один обычно является основным («сильный вариант» в фонологии, вариант с наибольшей свободой встречаемости или «свободная форма» в морфологии), из всех поверхностных структур, реализующих одну и ту же глубинную, одна обычно является основной или «ядерной»⁷ (в нашем примере, *Студенты сдали экзамен*).

Итак, мы определяем глубинную структуру предложения как систему выражаемых в предложении смысловых отношений⁸, а его поверхностную структуру — как реально употребляемую в процессе языковой коммуникации грамматическую форму («формулу строения»). Эlemen-

⁶ Скобочная запись, вообще говоря, не самая удачная (она создает ошибочное впечатление, что глубинная структура так же обладает свойством линейности, как и поверхностная); поэтому предпочтительнее было бы пользоваться схемой типа «дерева зависимостей». Такие лексические символы, как *студент* и пр., также нежелательны, поскольку на глубинном уровне лексические элементы следовало бы представлять, видимо, как пучки элементарных смысловых компонентов или «семантических множителей».

⁷ Ср. сходное, но не вполне идентичное понятие «basic — структуры» в работе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука «К построению действующей модели языка „смысл — текст“, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 11, М., 1969, стр. 11.

⁸ Ср. следующую характеристику глубинной структуры предложения в кн.: R. Jacobs, P. Rosenbaum, *English transformational grammar*, Waltham (Mass.), 1968: «...глубинная структура предложения передает его значение, поскольку глубинная структура содержит всю информацию, необходимую для определения значения предложения» (стр. 19).

тами глубинной структуры предложения являются лексемы⁹, между которыми устанавливаются денотативно значимые, т. е. отражающие различия в самой описываемой ситуации глубинные синтаксические отношения (например, «действие и его актанты — деятель, объект действия и пр.»; «действие и обстоятельства его протекания» и др.); элементами же поверхностной структуры предложения являются конкретные словоформы, между которыми существуют поверхностные синтаксические отношения («экзоцентрическая» и «эндоцентрическая» связь с подразделением последней на подчинительную, сочинительную и др.). Одна и та же глубинная структура может реализоваться, в зависимости от многочисленных коммуникативных, прагматических и внутриязыковых факторов, в виде различных поверхностных структур, находящихся друг с другом в определенных трансформационных отношениях.

Таким образом, теория, исходящая из различения и противопоставления поверхностной и глубинной структуры предложения дает, наконец, возможность перенести противопоставление вариативных и функциональных различий на уровень синтаксиса: различия между глубинными структурами суть различия функциональные, семантически (денотативно) значимые, в то время как различия между поверхностными структурами, репрезентирующими одну и ту же глубинную структуру, являются по своему характеру вариативными. Далее, как и на фонологическом и морфологическом уровнях, различие между глубинными и поверхностными структурами дает возможность формального обоснования явлений омонимии и синонимии: синтаксическими омонимами оказываются конструкции, имеющие одну и ту же поверхностную структуру, но различные глубинные структуры, например русск. *приглашение писателя*, которое может репрезентировать две различных глубинных структуры — (*писатель*) + (*приглашать* + *кто-то*) и (*кто-то*) + (*приглашать* + *писатель*); к синтаксическим синонимам, напротив, относятся конструкции, имеющие различную поверхностную структуру при одинаковой глубинной (например, *Студенты, которые сдали экзамен* и *Студенты, сдавшие экзамен*) и находящиеся в отношении так называемого свободного варьирования, причем между синтаксическими синонимами также может существовать определенная стилистическая разница, как и между синонимами вообще¹⁰.

Говоря о теории поверхностных и глубинных структур, необходимо дать два существенных, на наш взгляд, разъяснения. Во-первых, эта теория в сознании многих лингвистов ассоциируется, прежде всего, с порождающей грамматикой в духе Н. Хомского. Действительно, для порождающей грамматики, как в варианте, разрабатываемом школой Хомского, так и в других ее разновидностях, противопоставление глубинных и поверхностных структур является фундаментально важным; однако эти понятия вполне могут использоваться и действительно используются и другими направлениями в современной лингвистике, не связанными с принципами и установками порождающей грамматики. Достаточно напомнить, что сами понятия «глубинной» и «поверхностной» грамматики были впервые введены в научный обиход Ч. Хоккетом¹¹, являющимся

⁹ О понятии «лексема» в данном значении см. в работе: S. L a m b, *Outline of stratificational grammar*, Washington, 1966.

¹⁰ Подчеркнем, что единство глубинной структуры покоится, прежде всего, на тождестве денотативных значений, т. е., в конечном счете, на тождестве описываемой ситуации. Различные поверхностные реализации одной и той же глубинной структуры могут различаться в плане коннотативных (эмоциональных, экспрессивных и пр.) значений. См. в этой связи: W. C h a f e, *Directionality and paraphrase*, «Language», 47, 1, 1971.

¹¹ См.: Ch. H o c k e t t, *A course in modern linguistics*, New York, 1958, гл. 29.

убежденным противником теории порождающей грамматики Хомского¹²; пользуются ими и другие лингвисты, далекие от «хомскианских» идей, как например, М. Халлидей¹³ и др. Разумеется, следует иметь в виду принципиально иную трактовку этих понятий в порождающей и в аналитической («таксономической») грамматике: для первой глубинные структуры суть исходные единицы, от которых по заданным правилам порождаются поверхностные структуры; для второй, как мы пытались показать, глубинные структуры представляют собой функционально значимые абстрактные синтаксические модели, реальными проявлениями которых являются структуры поверхностные, находящиеся друг с другом в вариативных отношениях.

Во-вторых, следует отметить, что среди многих языковедов распространено скептическое, если не сказать прямо отрицательное, отношение к понятию глубинной структуры предложения, в которой эти языковеды усматривают абстрактно-логическую схему, не отражающую реальных отношений, существующих в языковой действительности. Так, Н. Ю. Шведова в свое время выражала озабоченность в связи с тем, что «реально принадлежащие языку структуры объявляются „поверхностными“, а собственно грамматическими, „глубинными“ признаются структуры, реконструируемые лингвистом на основе своей собственной теории — пустьстройной, но основанной на чисто умозрительных предпосылках»¹⁴.

Следует со всей решительностью сказать, что для этих опасений нет никаких оснований. Прежде всего, повышенный интерес к проблемам глубинной грамматики, характерный для многих направлений современного языкознания, вовсе не означает пренебрежительного отношения к поверхностным структурам или их недооценку. Поверхностная структура предложения, безусловно, является столь же «собственно грамматической» и столь же заслуживающей изучения, сколь и глубинная. Не существует и не может существовать никаких серьезных оснований для того, чтобы при описании синтаксического строя языка игнорировать или недооценивать его поверхностную структуру (да это и невозможно, если учитывать, что глубинная структура вскрывается лишь через поверхностную, при ее посредстве) — речь идет о другом, а именно, о том, что грамматическая теория не должна ограничиваться описанием лишь одной поверхностной структуры предложения, но должна идти дальше, от поверхностной структуры к глубинной.

Далее, ошибочно полагать, что глубинные структуры являются чисто умозрительными построениями, абстрактными схемами, не отражающими реальных языковых отношений. Конечно, в отличие от поверхностной, глубинная структура предложения непосредственно не дана исследователю в наблюдении, но этим она ничем не отличается от всех других научных лингвистических абстракций, таких, как фонема, морфема, лексема и пр., которые также являются непосредственно ненаблюдаемыми объектами. Глубинные структуры выводятся исследователем, конечно, на основе определенной («своей собственной» или принадлежащей кому-нибудь другому) научной теории, и из поверхностных структур путем их сопоставления, сравнения и установления в них общих признаков, своего рода «семантических инвариантов синтаксиса», являющихся не домыслами самих исследователей, а отображением реальных отношений, которые объ-

¹² См. его работу «The state of the art» (The Hague, 1968), где дается крайне резкая, но не всегда убедительная критика лингвистических взглядов Н. Хомского и его школы.

¹³ См., например: M. Halliday, Some notes on «deep» grammar, «Journal of linguistics», 2, 1966.

¹⁴ См. работу Н. Ю. Шведовой «Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения» (ВЯ, 1968, 2, стр. 41).

ективно существуют в самом языке, хотя и не даны нам в непосредственном наблюдении. В этом смысле глубинная структура предложения также является *формально выраженной*, хотя и не непосредственно в данном предложении, но косвенно, через сопоставление данного предложения с другими предложениями того же языка, с которыми это предложение находится в системных структурно-семантических отношениях, объективно существующих в самой языковой действительности.

Правда, можно было бы, кажется, возразить, что термин «глубинная структура» неправилен потому, что речь идет не о структуре предложения, а о выражаемых в нем *семантических* отношениях. Однако такое возражение базируется на слишком узком и формальном понимании термина «структура»; как уже неоднократно отмечалось в лингвистической литературе¹⁵, поскольку строй любого языка есть система, постольку структура любой единицы языка может быть полностью раскрыта только при учете ее связей с другими единицами того же языка. Применительно к предложению это значит, что глубокое понимание структуры предложения требует обязательного учета *отношения* «формулы строения» данного предложения к формулам строения других предложений языка, а именно на этом отношении и базируется понятие *глубинной* структуры. Кроме того, следует учесть, что другие функционально значимые единицы языкового строя, такие, как фонема или морфема, также базируются, по сути дела, на смысловозначительной или семантической общности формально несхожих единиц языка, т. е. являются не только формально, но и семантически мотивированными — что вполне естественно, учитывая двусторонний характер любого языкового (и неязыкового) знака, единство его формальной и содержательной стороны.

Нам представляется, что понятия поверхностной и глубинной структуры предложения находятся друг с другом в отношении, которое марксистская философия устанавливает для категорий *явления и сущности*.

Подобно тому, как возникновение в лингвистике теории фонем дало возможность свести все бесконечное разнообразие реально произносимых звуков к строго ограниченному инвентарю функционально значимых звуковых типов, возникновение теории поверхностных и глубинных синтаксических структур дало возможность за бесконечным разнообразием реально употребляемых в речи предложений увидеть строго ограниченное количество функционально значимых синтаксических отношений. В этом плане представляется уместным говорить о «редуцирующей способности» теории поверхностных и глубинных структур, имея в виду под «редуцирующей способностью» сведение всего многообразия реально функционирующих в речи единиц к ограниченному инвентарю непосредственно ненаблюдаемых, но семантически существенных элементарных единиц. В этом смысле «редуцирование» не только не является недостатком грамматической теории, как полагают некоторые¹⁶, но напротив, должно рассматриваться как необходимое свойство любой подлинно научной теории. Научная химия немыслима без «редуцирования» всего бесконечного многообразия реально встречающихся во вселенной веществ к ограниченному инвентарю первичных элементов, в результате комбинаций которых образуются все вещества; научная физика немыслима без «редуцирования» бесконечного множества реально существующих объектов к ограниченному набору исходных элементарных частиц, которые в своих комбина-

¹⁵ См., например, в моей работе «Структура простого предложения современного английского языка» (М., 1966, стр. 25—27).

¹⁶ См.: В. Г. А д м о н и, Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании, ВЯ, 1971, 5.

циях образуют все реально существующие предметы; научная генетика немислима без того, чтобы «редуцировать» все бесконечное множество реально наблюдаемых индивидуальных признаков организмов к строго ограниченному набору элементарных носителей наследственности — генов или молекул ДНК, различные сочетания и комбинации которых порождают бесконечное разнообразие индивидуальных свойств живых организмов; и т. д. Разве из этого не вытекает, что научный синтаксис имеет полное право — более того, о б я з а н — «редуцировать» бесконечное множество реально употребляемых в речи синтаксических структур к строго ограниченному¹⁷ набору элементарных синтаксических отношений. Суть «редуцирующей способности», стало быть, заключается в сведении явления к сущности, бесконечного к конечному, без чего невозможна никакая наука.

Приведем теперь несколько примеров, характеризующих, как мы полагаем, указанное свойство теории глубинных структур. Русские предложения типа *Он здоров*, с одной стороны, и *Он был здоров*, *Он будет здоров* — с другой, различаются по своей поверхностной структуре: в первом из них глагол отсутствует и сказуемое характеризуется как чисто именное, в то время как во втором и третьем употребляется глагол-связка *быть* в составе сказуемого, которое может быть охарактеризовано как глагольное или глагольно-именное. Интуитивно, однако, мы ощущаем, что семантические отношения между субъектом и его признаком во всех этих трех предложениях одинаковы, а разница между ними сводится исключительно к различию по линии категории времени. Эта наша языковая интуиция находит подтверждение в теории поверхностной и глубинной структуры, согласно которой все эти три предложения имеют одну и ту же глубинную синтаксическую структуру, а отсутствие глагола-связки *быть* в первом предложении есть факт его поверхностной структуры, не влияющий на глубинные семантические отношения между словами в предложении; единственная глубинная лексема, различная во всех трех предложениях, есть лексема времени. Правда, здесь возможны две трактовки в зависимости от того, рассматривать ли глагол-связку *быть* как элемент глубинной или поверхностной структуры. Согласно первой, более распространенной трактовке, связка *быть* является глубинным элементом, в форме настоящего времени подвергающимся эллипсису или «стиранию» (deletion), т. е. замене нулем; согласно второй¹⁸, этот глагол, напротив, является принадлежностью поверхностной структуры и вводится в предложение как формальный служебный элемент — носитель морфем прошедшего и будущего времени¹⁹. Так или иначе, структурная однотипность указанных предложений при их внешнем формальном несхождении находит адекватное объяснение при обращении к понятию глубинной структуры.

Второй пример связан с трактовкой отношений между подлежащим и сказуемым в русских предложениях типа *Он пришел* — *Она пришла*, *Он болен* — *Она больна*, с одной стороны, и *Я/ты пришел* — *Я/ты пришла*, *Я/ты болен* — *Я/ты больна*, с другой. Традиционная грамматика ус-

¹⁷ Вполне возможно, что число таких элементарных глубинных синтаксических отношений не превышает пяти-шести; сюда относятся отношения субъектное, объектное (прямое и косвенное), определительное в широком смысле слова и, возможно, некоторые другие (ср.: А. К. Жолковский и И. А. Мельчук, указ. соч., стр. 40).

¹⁸ См.: E. V a s c h, *Have and be in English syntax*, «Language», 43, 2, 1967; в неясном виде эта точка зрения принята также в академической «Грамматике современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 560 (примечание).

¹⁹ Впрочем вполне вероятно, что обе эти точки зрения не исключают друг друга: возможно, глагол-связка *быть* является необходимым элементом глубинной структуры третьего порядка, но отсутствует в максимально глубокой структуре четвертого порядка (об этих понятиях см. ниже.).

матривает явление согласования (в наших примерах, в роде) только при подлежащем в форме 3-го лица, при подлежащем же — местоимении 1 и 2-го лица согласование внешне не выражено, и в этом случае приходится ссылаться на соответствие формы рода сказуемого «реальному полу субъекта», т. е. апеллировать, по сути дела, к экстралингвистическим факторам. Конечно, в этом нет ничего принципиально недопустимого — в языке нередки случаи, когда употребление тех или иных грамматических форм определяется экстралингвистическими факторами; однако нежелательно положение, при котором употребление одних и тех же форм в одних случаях объясняется формально-грамматически («согласование»), а в других — экстралингвистически («ориентировка на пол реального субъекта»). С точки зрения теории глубинных структур, однако, здесь во всех случаях налицо одно и то же явление — согласование сказуемого с подлежащим, однако, не с поверхностным подлежащим-местоимением, а с глубинным субъектом, выраженным субстантивной лексемой (ср. *Иванов пришел — Иванова пришла*). Что касается личных местоимений, типа *я, ты, он, она* и др., то они являются элементами поверхностной структуры и появляются в ней в результате «прономинализации» (местоименного замещения) глубинного субъекта. Такая трактовка не только дает возможность вывести единое правило для поверхностно различных случаев употребления форм рода в сказуемом, но и соответствует давно укоренившемуся в традиционной грамматике пониманию местоимения как «заместителя имени».

Здесь мы сталкиваемся еще с одним свойством теории глубинных структур, а именно, ее способностью дать формальное подтверждение многим положениям и понятиям традиционной школьной грамматики, которые в свое время отрицались или брались под сомнение так называемой «теоретической» или «научной» грамматикой. Ярким примером такого понятия традиционной грамматики, подвергшегося «реабилитации» в свете теории глубинных структур, является понятие эллипсиса. В своих работах²⁰ я уже высказывался по этому вопросу; напомним только, что столь широко использовавшееся в традиционной грамматике понятие эллипсиса, которое многие приверженцы позднейшей «научной» грамматики отрицали (а частично и сейчас продолжают отрицать) как смешение языковых и логических категорий, находит вполне адекватное объяснение в свете теории глубинных структур, согласно которой эллипсис — не что иное, как «стирание» или замена нулем в поверхностной структуре предложения тех или иных элементов его глубинной структуры.

Далее, теория глубинных структур дает, как мы надеемся, возможность разрешить, а точнее снять, целый ряд споров и разногласий, бытовавших некогда (а порой бытующих и сейчас среди лингвистов различных направлений) относительно анализа тех или иных типов синтаксических связей слов в предложении. При ближайшем рассмотрении оказывается, что чаще всего эти споры вызваны тем, что одни языковеды, говоря о «синтаксических отношениях», имеют в виду отношения поверхностные, а другие — глубинные. Так, например, существует несколько точек зрения на синтаксические функции прилагательного в конструкциях типа *Путники вернулись усталые, День начинался пасмурный* и им подобных: одни грамматисты полагают, что прилагательное в этих конструкциях определяет существительное, выступая как особого рода атрибут («предикативный атрибут»); другие, напротив, считают, что оно входит в группу глагола, образуя с ним единое глагольно-именное сказуемое; наконец, третьи

²⁰ См. мою упомянутую выше монографию «Структура простого предложения современного английского языка», стр. 176—188, а также мою докторскую диссертацию «Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка» (М., 1965, гл. IV, стр. 527—568).

усматривают здесь двустороннюю связь прилагательного — как с подлежащим, так и с глаголом-сказуемым. Теория глубинных структур снимает все эти споры: правы здесь и те, и другие, и третьи, поскольку прилагательное на поверхностном уровне здесь действительно связано с глаголом, а на уровне глубинном является связанным с подлежащим — субъектом выражаемого им признака; стало быть, прилагательное находится в указанного типа конструкциях в двусторонней связи, как с глаголом, так и с подлежащим-существительным, но это связи разных структурных уровней — поверхностного и глубинного.

Подобным же образом теория глубинных структур снимает спор о том, как трактовать тип синтаксической связи в словосочетаниях типа *приезд отца* — имеется ли здесь атрибутивная или субъективно-предикативная связь. На поверхностном уровне связь здесь, действительно, атрибутивная, поскольку *поверхностная* структура сочетания *приезд отца* аналогична структуре сочетания *дом отца*, на глубинном же уровне здесь имеется связь субъектная, так как *глубинная* структура этого словосочетания та же, что и у предложения *Отец приехал*.

Наконец, следует отметить практическое значение теории глубинных структур для ряда отраслей прикладного языкознания, в частности для лингвистической теории перевода. Сопоставительный анализ подлинников и их иноязычных переводов приводит к выводу, что при переводе глубинная структура предложения сохраняется, как правило, неизменной, в то время как его поверхностная структура подвергается обычно многочисленным и разнообразным изменениям или «переводческим трансформациям». Обращение к понятию глубинной структуры дает тем самым возможность определить понятие «семантического инварианта» в переводе применительно к структуре предложения и сформулировать лингвистическую теорию перевода более адекватным образом, чем это имело место при традиционном подходе, при котором проводилось непосредственное сравнение поверхностных структур предложения исходного и предложения переведенного, что нередко наталкивало на мысль об отсутствии каких-либо закономерных грамматических соответствий при переводе. На самом деле такие соответствия, безусловно, существуют, но не на поверхностном, а на глубинном уровне. Рамки данной статьи не дают возможности подробнее остановиться на этом интересном вопросе; могу только сослаться на имеющуюся литературу по теории перевода, в частности, на работы Ю. Найды²¹, где дается более глубокое рассмотрение данной проблемы.

Подведем теперь некоторые итоги.

1. Теория поверхностной и глубинной структуры предложения дает возможность перенести на синтаксический уровень противопоставление различных вариативных и функциональных, давно укоренившееся на фонологическом и морфологическом уровнях.

2. Понятие «глубинной структуры» относится, безусловно, к области синтаксической семантики; однако глубинные синтаксические отношения не являются абстрактно-логическими категориями, находящимися в сфере «чистого мышления» — как и все языковые категории, они формально выражены, но не непосредственно, а косвенным образом, через поверхностную структуру предложения, рассматриваемую в ее отношениях с поверхностными структурами других предложений. Сосредоточивая внимание на содержательных отношениях слов в предложении («действие и его субъект», «действие и его объект» и т. д.), понятие глубинной структуры дает

²¹ См.: Ю. А. Найдя, Наука перевода, ВЯ, 1970, 4; также: E. Nida, Towards a science of translating, Leiden, 1964.

возможность преодолеть некоторый формализм синтаксических описаний, характерный для классического «таксономизма» 40—50-х годов XX в.

3. Теория, различающая поверхностную и глубинную структуру предложения, дает возможность объяснить явления синтаксической омонимии и синонимии.

4. Сводя все бесконечное множество реально встречающихся в речи «формул строения» предложений к строго ограниченному набору элементарных синтактико-семантических структурных типов, эта теория делает возможным максимально обобщенное и экономное описание синтаксического строя языка ²².

5. Можно надеяться, что различение понятий поверхностной и глубинной структуры будет способствовать разрешению или снятию ряда споров и разногласий, связанных с трактовкой синтаксических отношений между словами в предложении.

6. С другой стороны, это различие дает, как нам кажется, возможность научно обосновать целый ряд понятий традиционной грамматики (например, понятия «эллипсиса», «двусторонней синтаксической связи»), которые в свое время были взяты под сомнение.

7. Теория поверхностной и глубинной структуры может быть применена для решения ряда проблем прикладного языкознания, в частности, в области лингвистической теории перевода.

В заключение обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство. На современном этапе развития синтаксической теории, видимо, уже недостаточно ограничиваться простым противопоставлением поверхностной структуры предложения глубинной. Сейчас уже совершенно ясно, что понятие «глубинной структуры» является относительным и что на самом деле следует говорить не об одной, а о целом ряде структур **р а з л и ч н о й с т е п е н и г л у б и н ы**, от максимально поверхностной до максимально глубокой. В этой связи нам представляется, что в настоящее время существуют основания выделять по крайней мере четыре уровня глубины синтаксической структуры предложения. Уровень первого порядка — максимально поверхностный — это представление структуры предложения как цепочки словоформ, как это имеет место, например, в дистрибутивной модели Ч. Фриза ²³. Уровень глубины второго порядка дает изображение непосредственных связей слов, как в модели НС или в грамматике зависимостей. Уровень глубины третьего порядка, учитывающий системные отношения структуры данного предложения со структурой других предложений, раскрывается в трансформационной модели.

Наконец, на максимально глубоком — четвертом уровне, на котором структура предложения будет, очевидно, одинаковой для всех языков, мы вскрываем универсальные мыслительные структуры ²⁴ — «суждения» и их аналоги традиционной логики. Теория глубинных структур, таким образом, вплотную подводит нас к известной проблеме отношения логики и грамматики, мышления и языка, подтверждая положение об их неразрывном диалектическом единстве.

²² О важности принципа экономии в лингвистических описаниях см., в частности, в указанной работе С. Лэма, стр. 3. Разумеется, применение этого принципа мыслимо только в очень строгих рамках; иначе оно перерастет в сознательное или бессознательное упрощенчество.

²³ Характеристику этой модели см., в частности, в моей докторской диссертации, гл. I, стр. 45—48, а также в упомянутой монографии, стр. 18—20.

²⁴ См.: С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 13; нам неясно, однако, почему автор считает термин **г л у б и н н а я с т р у к т у р а** «эвфемистическим».